

УСПЕХА ПО БЛАТУ

НЕ БЫВАЕТ...

Виз. Казань - Казань - 1992. - 4 стр.

Лет десять назад мне посчастливилось попасть на концерт Аркадия Райкина. В первый же, а может, и в последний раз я увидела и ощутила в атмосфере зрительного зала преклонение, взволнованность и невероятную любовь. Когда он вышел на сцену, весь зал встал, приветствуя великого Артиста, и спектакль долго не начинался... Говорят, на детях гениев природа отдыхает. К счастью, меньше всего эти слова можно отнести к Константину Аркадьевичу Райкину. Он заслуженно любим и популярен, и на его концерты так же невозможно попасть, как когда-то на отцовские.

— В наследство от отца вы получили театр «Сатирикон»!

— Ну да-а, в наследство, да, это его театр, но это...

— Я сложный вопрос задала!

— Сложный, потому что он неуютный. Это может быть двойко понято. Очень часто мне задают другой вопрос, с подковыкой, что ли: а вот если бы вы не были сыном Аркадия Райкина, вы бы получили этот театр? Дескать, по благу получили. Но это же не костюм передать. Театр — это предмет одушевленный. Это же люди, судьбы, такая ответственность...

Мне смешно быть сыном Райкина в 40 лет. Я понимаю, что для кого-то я и умру сыном Райкина, но я никому ничего не стараюсь доказать. Надо, чтобы театр был лучше. И мы — театр аншлаговый, один из немногих в Москве, куда ходят зрители и трудно попадают. Это свидетельство того, что руковожу я им не зря. Это вещь объективная, ведь по благу успеха не бывает. Вот сегодня я буду выступать и знаю, что все билеты проданы. На сына Райкина интересно смотреть минуты три. Но дольше этот зоопарк длиться не может. На четвертой минуте я должен что-то предьявить, чтобы они остались в зале сидеть. И если зрители досиживают до конца, а потом еще приходят, значит, я из себя что-то представляю и что-то предьявляю помимо родственных связей со своим отцом.

По-другому на этот вопрос можно ответить так: конечно, если бы я не был сыном своего папы, конечно, этот театр не был бы моим. Но мне кажется, что театру было бы хуже тогда, потому что уже в течение

шести лет при жизни папы я очень много занимался этим театром — надо было ему помогать, у него уже сил не хватало. Он пригласил меня, потому что интуитивно, а потом уже и сознательно хотел, чтобы его дело продолжалось. Конечно, глупо в нас видеть буквальное продолжение Аркадия Райкина — этого быть не может и не должно.

— Аркадию Райкину как бы все было позволено, но были определенные границы. Вам сейчас можно все, но изменилось время, зритель. Как вы считаете, кому из вас легче работать!

— Конечно, ему было сложнее — он просто рисковал жизнью, должен был проявлять элементарную человеческую смелость. В другом смысле труднее нам, потому что раньше называть черное черным, а белое белым уже было актом мужества и как бы актом искусства.

Я всегда пытаюсь представить, как папа отнесся бы к той или иной вещи. У нас сейчас идет замечательная безделушка «Багдадский вор», где поют и танцуют ребята — и так хорошо это делают, что каждый раз смотрю с удовольствием, хотя сам в спектакле не участвую. Еще у нас вышел спектакль совместно с театром А. Чехова «Там же, тогда же...» — это вещь, где люди плачут и смеются. В ней нет ни политики, ни сатиры, но полно юмора и трогательности, она попадает в самое сердце, а это так дефицитно и необходимо.

— Вопрос, к сожалению, ставший в последнее время традиционным в разговорах со «звездами»: не собираетесь ли вы эмигрировать?

— Я очень много езжу с театром по всему миру, и мы имеем громадный успех. Не просто громадный — гигантский, триумф. Но... это чужие страны, чужие... Там чудесно гастролировать, но жить... Я все время думаю: та пьеска сложилась без нас. Нет там такой роли — Костя Райкин, не написана. А здесь есть. Я играю в этой пьесе, ну, не самую главную роль, но достаточно большую. Уродливая пьеса, бездарно написанная, но есть места, где я сейчас говорю. Все молчат, а я говорю. Понимаете? Мысли такие приходят иногда в голову, потому что за детей больно и обидно. Я думаю, почему моя дочка По-

лина, которую я люблю не меньше, чем какой-нибудь папа в Америке, Норвегии или Израиле, почему она должна дышать этим отравленным воздухом и есть эту пищу? Что, она хуже тех детей? Но решиться на это — значит, расстаться со своей профессией и с нужностью своей расстаться. Родина там, где ты нужен. Здесь я нужен кому-то. Это страшная страна, совершенно чудовищная. Я патриот этой культуры, но не этого строя, не этого правительств. Я не то что в них сомневаюсь, я это все не люблю. Может быть, даже ненавижу. Хотя я был членом коммунистической партии — это самый большой грех в моей жизни. Я понимал, что беспартийному молодому еврею театр просто не дадут. Это маленькая зацепка для моего оправдания, хотя она не может быть полным оправданием.

Но я патриот этой культуры. Я совершенно русский человек, если цивилизованно определять национальность — не по крови, а по принадлежности души. Мои любимые писатели — Достоевский, Толстой и Гоголь, а не Шолом-Алейхем, хотя он тоже замечательный писатель. И мой отец — это неотъемлемая часть русской культуры. А кто по-другому думает — тот сволочь. И если кто-то скажет мне «жидовская морда», то я съезжу, но не в Израиль, а в харию.

Там надо было родиться, а родиться не повезло. Если бы мой папа родился в Америке, он был бы артистом знаменитым на весь мир — как Чарли Чаплин. Меня спрашивают: что этот строй дал вашему отцу? Да ничего, кроме инфарктов. Отец отвечал: материал дал. Лучше бы он его не давал. Папа со своим талантом нашел бы его где угодно.

— Скажите, Костя, а почему все-таки Аркадия Райкина миновала участь многих его коллег! Почему ему все прощали!

— Во-первых, потому, что vezучий, хотя почему его не посадили при Сталине — это до сих пор загадка. Он позволял себе такие вещи... Это, конечно, не высшая степень остроты сейчас, но по тем временам... Помимо элемента случайности, который здесь явно присутствовал, он

еще был человеком 150-процентного обаяния. Это было невероятно, что он проделывал с начальством. Мягко, как бы очень незаметно. Я много раз был свидетелем, как он проходил в любые кабинеты, как заставляли секретарши и решались все, самые нерешаемые вопросы. Он никогда не повышал голоса, мягко говорил — и это было похоже на гипноз. Беспрецедентный случай — весь театр, включая рабочих сцены, осветителей и костюмеров, поменял пропуск, переехал из Ленинграда в Москву. Все получили квартиры. Это было решено в течение 15 минут.

— А почему театр переехал!

— Ленинград — замечательный город по части зрителей и отвратительный по части начальства. Жданов, Толстиков, Козлов, Романов, Гидаспов — они же всегда впереди паровоза. В Москве было значительно легче, и папа почти всегда сдавал спектакли там.

— А его приглашали на «придворные» концерты!

— Приглашали порой. В свое время даже на дне рождения Сталина выступал. Перед Хрущевым читал такие вещи, что мы думали: домой не вернется. Кажется, один раз к Брежневу приглашали. Но с Брежневым они были знакомы еще по Малой земле — папа там с театральной бригадой выступал. А первый день войны застал его в Днепрпетровке, где Брежнев был первым секретарем не то обкома, не то горкома. Он дал им вагон, чтобы вывезти театр.

Папа обычно так начинал свои рассказы про войну (кстати, у него несколько боевых орден, бригада очень смело развезжала по фронту): «Мы приехали в Днепрпетровск, и завтра должны были начаться гастроли. Как об этом узнал фюрер, я не знаю, но на завтра он начал бомбить город». Так что с тех пор папа был знаком с Брежневым, и это тоже, конечно, имело очень большое значение.

— А вы когда-нибудь комплексуете сами! Ведь у каждого человека бывают периоды сомнений, неверия в свои силы!

— Очень часто. Актеры очень уязвимы. Очень. Одна репетиция не так пройдет — и ты начинаешь раздумывать вообще о своей пригодности к этой профессии. И так будет всегда. Это не зависит от твоего предыдущего опыта и успеха. Господи, думаешь, они не понимают, какое ты дерьмо. Ведь никто не знает, что ты ничего не можешь. И каждая новая работа связана с каким-то периодом или моментами глобальных сомнений: годен ли ты? Может, это по-идиотски выглядит со стороны, но ты будешь дураком еще большим, если станешь думать: ну, как, ну, за мной же... я же заслуженный артист республики... как же уж... Вот это еще глупее. Бывает такой счастливый характер — актер заимел успех и раз и навсегда решил, что он интересен. А есть несчастный характер, как у меня: я все время сомневаюсь. Во всяком случае, довольно часто. Но мне такое счастье, о котором я сказал, не нужно. Пусть лучше такое счастье будет, но оно дает возможность всегда развиваться. Всегда — потому что сомнения в некотором количестве очень хороши.

И. КАНЕВСКАЯ.